

ПЁТР БОЛЬШАКОВ

РЯБИНКА

ЦИКЛ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ КЛАССИКИ

Пётр Большаков

Рябинка

«Автор»

2026

Большаков П.

Рябинка / П. Большаков — «Автор», 2026

Осень 1812 года. Россия горит. Наполеон отступает, оставляя за собой выжженную землю и мертвые деревни. Старик Кузьмич теряет всё: дом, семью, покой. Но у него остается долг. Он запрягает свою старую, пятнистую лошадь Рябинку и отправляется в путь сквозь холод, голод и мародеров, чтобы спасти единственное, что ему дорого, — маленькую внучку Верочку. Впереди — версты разоренной дороги, встречи с призраками войны, юродивыми и беглецами. Впереди — агония старой лошади, которая отдаст жизнь. И впереди — весна, где на обочине старого тракта прорастет рыжая трава, похожая на конскую гриву. «Рябинка» — это суровая и светлая притча о русском пути, о нечеловеческой жертвенности и о памяти, которая оказывается сильнее смерти. Пронзительная повесть о войне, увиденной не глазами генералов, а глазами старика, ребенка и верной лошади. P.S. «Цикл современной русской классики» — это жанровый навигатор, указывающий на литературные традиции, а не претензию на место рядом с великими предшественниками.

© Большаков П., 2026

© Автор, 2026

Пётр Большаков

Рябинка

РЯБИНКА

Автор Пётр Большаков

ЧАСТЬ I. ПУТЬ К ВЕРОЧКЕ

Глава 1. Хлев

Старый сарай, казалось, стоял вечность. Замка на нём никогда не было.

Кузьмич стоял перед дверью, смотрел на ржавую скобу, в которую вместо замка был вбит гвоздь, и вдруг понял, что не помнит, когда в последний раз открывал этот сарай. Может, месяц назад. Может, в конце лета. Память стала дырявой, как старая крыша, — одни куски держатся, другие проваливаются в темноту, и он уже не знает, что было правдой, а что приснилось.

Он ударил плечом в доску рядом с дверью. Трухлявая, она поддалась сразу, как будто ждала этого удара — ждала много лет, стоя на одном месте, гнилая и забытая. Запах ударил в лицо — сухой, мышиный, с ноткой прелой соломы, которую никто не менял уже бог знает сколько лет. Кузьмич закашлялся, прикрыл рот рукавом, шагнул внутрь.

В сарае было темно, но глаза привыкли быстро. Он знал здесь каждый угол, каждую щель в брёвнах, каждую паутину, которая висела в углах, как старая кружевная тряпка. Здесь когда-то стояла корова, потом овцы, потом никто. Здесь пахло тем, что ушло, — парным молоком, сеном, живым теплом больших тел, которые дышали по ночам и вздыхали во сне. Теперь от всего этого остался только запах, и даже он выветривался с каждым днём.

Седло отца висело на гвозде у входа. Кузьмич провёл пальцами по задубевшей коже — ремни стояли колом, не гнулись, как мёртвые суставы. Он помнил их мягкими, помнил, как отец по вечерам натирал их салом, сидя на завалинке, и рассказывал про турецкую кампанию. Тогда кожа пахла тёплым звериным жиром — густым, тягучим, как мёд. Теперь — пылью и временем. Он провёл рукой по седлу ещё раз, медленно, от луки до задней подушки, и почувствовал, как пальцы запоминают каждую трещину.

— Вот и всё, тятя, — сказал он вслух. Голос хрипнул, как несмазанная дверная петля. — Забираю тебя. Не оставлю.

Седло не ответило. Оно висело на гвозде — тяжёлое, как прожитая жизнь, как все сорок лет, которые оно пролежало здесь, никому не нужное.

Кузьмич снял его. Кожа скрипнула, и в руках он почувствовал вес — не физический, а тот, что идёт от вещей, которые видели многое. Отцовское седло помнило и Турцию, и моло-

дость, и ту осень, когда отец вернулся с войны с простреленной рукой и сказал: «Буду жить». Прожил ещё двадцать лет. Умер тихо, во сне, а седло осталось. Всё, что осталось от отца, — седло, крест и память.

Он вынес седло наружу, положил на телегу у плетня, накрыл рогожей, чтобы не мокло под дождём. Рогожа была старой, дырявой, но лучше, чем ничего. Дождь моросил с утра — мелкий, холодный, октябрьский, превращавший грязь в жидкое тесто, в котором увязали ноги по щиколотку. Кузьмич поправил рогожу, укрыл седло получше и вернулся в сарай.

Он ходил по углам, собирал остатки: старый хомут, который не налезал ни на одну лошадь уже двадцать лет, но выбрасывать было жалко — сам его делал, своими руками, из берёзы и сыромятной кожи. Топор с обломанной рукояткой — он не починил его за год, всё руки не доходили. Горсть гвоздей, ржавых, погнутых, но ещё годных — в войну и заржавелое железо на вес золота. Скоба с того самого замка, который он так и не повесил.

В углу, за кучей старой сбрауи, он наткнулся на штык. Старый, с потёртой рукояткой, ещё отцовский — с тех времён, когда отец воевал. Кузьмич взял его, взвесил на руке. Тяжёлый. Острый. Сунул за пояс, поправил полушубок, чтобы не мешал. Мало ли что на дороге.

Он вышел из сарая в последний раз и не стал закрывать дверь. Зачем? Сарай пустой, дом пустой, всё пустое. Только дождь шёл, не переставая, и небо было серым, как старое одеяло, которое никто не стирал. Воздух пах гарью — откуда-то издалека, с запада, где горели деревни. Запах был сладким и горьким одновременно, как горелый хлеб.

Кузьмич подошёл к плетню. Рябинка ждала.

Она всегда ждала. Больше тридцати лет — с того дня, когда отец привёл её жеребёнком уже после того, как Кузьмич вернулся со службы с ранением в плече. Тогда она была белая, как снег, и пятна на ней были едва заметные — розовые, как утренняя заря на ещё тёмном небе. Теперь она была старая, серая от грязи и времени, пятнистая по-настоящему — рыжие кляксы на белом, как засохшая кровь. Пятна были повсюду: на шее, на боках, на крупе, и они складывались в узор, который Кузьмич знал наизусть — как карту, по которой можно читать её жизнь.

Она стояла, опустив голову до колен, и пар из ноздрей оседал на шерсти белой коркой. Правое ухо было надорвано — когда-то зацепилась за гвоздь в сарае, и с тех пор оно висело лоскутом, как тряпка на ветру. Кузьмич каждый раз, видя это ухо, вспоминал, как ругал отца за то, что тот не забил гвоздь глубже. Отец тогда сказал ей: «Прости, моя радость, недоглядел». И долго гладил её. Рябинка простила. Она всех прощала.

— Ну что, батина радость? — сказал Кузьмич тихо, глядя ей в глаза. — Пошли Верочку искать. Всех у неё война забрала, мы с тобой у неё одни остались.

Рябинка вздохнула. Глубоко, как человек, который собирается сказать что-то важное, но молчит. Пар из ноздрей заструился гуще, оседая на его рукаве белым инеем. Она сделала шаг вперёд, копыта увязли в грязи с хлюпающим звуком, и Кузьмич услышал, как она переступает с ноги на ногу — тяжело, как старуха, у которой болят суставы.

Он провёл ладонью по её шее. Шерсть лезла ключьями, прилипая к его сморщенной коже, оставляя на пальцах серый пух. Под пальцами прощупывались острые позвонки — каждый можно было пересчитать, как чётки. Он знал этот хребет лучше, чем линии на своей ладони.

Она моргнула. Медленно, тяжёлыми веками. Посмотрела на него — долго, как будто хотела запомнить.

Он запряг её в телегу. Руки делали это сами, без участия головы — столько раз они повторяли эту работу за сорок лет. Хомут, супонь, чересседельник, вожжи. Всё было старым, потёртым, но крепким — отец учил делать на совесть, не на один год, а на век. Кузьмич затянул каждую пряжку, проверил каждый ремень. Рябинка стояла смирно, как всегда, терпеливо. Она знала — суета значит дорогу.

Кузьмич собрал котомку со скудными припасами и пожитками и уложил в телегу под рогожу. Взял платок и положил за пазуху — пригодится. Когда всё было готово, Кузьмич остановился. Посмотрел на дом — на чёрные стёкла, на обугленную крышу, которая ещё держалась на одном углу, чудом не обрушившись. На печь, которая не топилась, и из трубы не шёл дым.

Он постоял так недолго. Потом сел на передок, взял вожжи, хлестнул по воздуху — не по Рябинке, просто так, для порядка.

— Трогай.

Рябинка тронулась. Телега выехала со двора медленно, увязая колёсами в грязи. Дождь зачастил, застучал по рогоже, по телеге, по спине Кузьмича. Колёса оставляли глубокие борозды, которые тут же затягивало водой. След от телеги уходил за ними — чёрный разрез на земле, единственное свидетельство того, что здесь кто-то был и ушёл.

Кузьмич не обернулся.

Он сидел на передке, смотрел вперёд, на дорогу, уходящую в серый туман. Рябинка шла ровно, ступая по грязи, как по привычной дороге, которую знала наизусть. Почти сорок лет она ходила здесь. Сорок лет она знала каждый поворот, каждую яму, каждую корягу.

Теперь она уходила отсюда в последний раз.

Кузьмич сжал вожжи. Впереди была дорога. И больше ничего.

Глава 2. Рябинка

Дорога была пустой. Война прошла здесь месяц назад, и теперь только ветер катал по грязи прошлогодние листья, не успевшие сгнить до морозов. С обеих сторон — поле, пустое, грязное, с редкими кустами, черневшими на сером. Где-то вдаль чернел лес — мокрый, голый, без единого зелёного пятна. Небо висело низко, как мокрая тряпка, и давило на землю.

Рябинка шла ровно, но Кузьмич слышал — дыхание её стало глубже, с лёгким присвистом. Это началось не сегодня — годы назад, когда умер отец, и она осталась без того, кто

её понимал. Тогда она стояла у плетня и смотрела на дом, как теперь смотрела бы Верочка. Она была ещё крепкой, но усталость уже въелась в её кости, как ржавчина в гвозди. Старая усталость — та, что селится в костях и остаётся до самого конца.

Он смотрел на её спину, на мокрую шерсть, на позвонки, проступавшие под кожей, и считал про себя: один, два, три. Она дышала тяжело, с присвистом, и этот звук становился громче, когда дорога шла на подъём.

— Ты держись, — сказал он. Рябинка повернула ухо — надорванное, как тряпка. — Мы ещё дойдём. Я тебя не брошу.

Она не ответила, но он знал, что она слышит. Она всегда слышала. Даже когда он молчал, она знала, о чём он думает. За столько лет — это не шутка. Десятки лет они дышали одним воздухом, ели один хлеб, спали под одной крышей. Она знала его лучше, чем он сам себя.

Он вдруг вспомнил, как однажды, лет двадцать назад, она заартачилась на пашне. Стояла как вкопанная посреди поля, и хоть ты тресни — ни с места. Он ругался, хлестал вожжами по воздуху, кричал, а она стояла и смотрела на него, и в глазах у неё была такая хитрая, человеческая искра, что он вдруг рассмеялся. Слез, подошёл, обнял за шею. «Ты что, батина радость, шутишь со мной?» Она фыркнула — громко, насмешливо — и пошла, как ни в чём не бывало. Он тогда знал: она не просто лошадь.

Она с ним разговаривает. Без слов, но разговаривает.

Поле кончилось, они въехали в берёзовую рощу. Здесь было темнее, земля суше, и Рябинка пошла легче. Берёзы стояли голые, белые, как скелеты, кора слоилась, свисая лохмотьями, которые шевелились на ветру, как призраки. Кузьмич смотрел на них и думал о том, что когда-то давно, в детстве, он любил собирать берёзовый сок. Отец учил его делать надрезы, вставлять желобки, ждать, пока капнет. Сок был сладким и пах весной.

Теперь осень не пахла ничем. Только гарь и мокрый снег.

Кузьмич остановил телегу, давая Рябинке передохнуть. Слез, подошёл к лошади, погладил по морде. Она закрыла глаза — на секунду, не больше, — и он увидел, как под веками дрожит жилка. Она устала не за этот день. За все десятки лет.

— Помнишь, как ты маленькая была? — сказал он, и голос его стал тише, мягче, будто он говорил не с лошадью, а с собой. — Отец придерживал тебя, а ты испугалась, в угол забилась. Я тебя звал, а ты боялась. Стояла, дрожала, и уши прижаты, и глаза огромные, как плоски. А потом сама пришла. Встала у плетня и ждала, пока я выйду.

Рябинка открыла глаза, посмотрела на него. Он знал, что она не помнит. Она была жеребёнком, испуганным комком шерсти, боящимся всего мира. Но он помнил. Всегда помнил. Помнил, как она встала на ноги в первый раз — тонконогая, шаткая, как будто вот-вот упадёт. Помнил, как она тыкалась носом в его ладонь, ища тепло.

— Ты у меня одна осталась, — сказал он. Голос дрогнул, совсем чуть-чуть. — И Верочка. И больше никого.

Он провёл рукой по её шее, чувствуя, как под пальцами бьётся жилка — ровно, спокойно, как у старой лошади, которая знает, что всё будет хорошо. Или не будет — но она не боится.

Постоял ещё, вернулся на телегу.

— Ну, идём.

Рябинка пошла. В роще было тихо — даже птиц не слышно. Только колёса чавкали по грязи, только Рябинка дышала тяжело. В этом молчании было больше слов, чем в любом разговоре. Кузьмич смотрел на дорогу, на серое небо, на голые деревья, и думал о том, что будет, когда они найдут Верочку. Жива ли она? Найдёт ли он её? А если не найдёт?

Он отогнал эти мысли. Нельзя думать о плохом. Надо просто ехать. Ехать и верить.

Потом роща кончилась, они выехали на открытое место.

И Кузьмич увидел деревню своего детства.

Глава 3. Кладбище

Он узнал её по берёзе. Она стояла у околицы — старая, кривая, с обломанной верхушкой, которую снесло молнией ещё в ту пору, когда он был мальчишкой. Тогда отец хотел её спилить, да рука не поднялась. Стояла. Стояла и теперь — одна из немногих, кто уцелел.

Кузьмич натянул вожжи. Рябинка остановилась.

Он смотрел на деревню и не узнавал её. Раньше здесь было два десятка домов, плетни, огороды, пахло дымом и навозом, собаки лаяли по ночам, и по утрам мычали коровы. Теперь — чёрное поле с редкими трубами, торчащими из пепла, как обгоревшие пальцы. Ни одного целого дома. Только пепел, грязь и тишина.

Он сидел на телеге, смотрел и не мог пошевелиться. Глаза щипало, но он не плакал. Слезы кончились ещё там, у своего дома. Или слез не было, но они казались.

— Господи, — сказал он шёпотом. — За что?

Рябинка стояла, понутив морду. Она тоже помнила это место. Она знала каждую улицу, каждый плетень, каждую калитку, где когда-то останавливалась, чтобы её погладили. Теперь ничего этого не было.

Кузьмич слез с телеги. Ноги вязли в грязи, перемешанной с пеплом, и каждый шаг давался с трудом. Он пошёл между чёрными буграми, туда, где когда-то стоял дом его детства, в котором он родился и вырос. От дома остался только голбец — нижняя часть печи, сложенная из кирпича, уцелевшая. Кирпичи были чёрные, с белыми подтёками от пепла, стояли криво, как зубы старика.

Кузьмич остановился. Смотрел на голбец. Здесь он родился. Здесь отец учил его держать топор. Здесь умерла мать — в той самой комнате, у окна, выходившего на огород. Он помнил, как она лежала на кровати, белая, как снег, и глаза её были закрыты. Отец стоял рядом, держал её за руку и молчал. А Кузьмич, тогда ещё молодой, стоял в дверях и не мог войти.

Он постоял у голбца, коснулся рукой чёрного кирпича. Он был холодным и мокрым. Пахло гарью и временем.

Кузьмич опустился на колени перед голбцом. Разгрёб золу — мокрую, чёрную, липнущую к пальцам. Пальцы нащупали что-то твёрдое. Он вытащил — медный крест, почти неразличимый в пепле, чёрный от копоти. Вытер рукавом, поднёс к глазам. Крест был старым — ещё дедовским, с потёртыми краями. Мать носила его, потом отец. А теперь он нашёл его здесь, в золе. Сунул за пазуху, к самому сердцу.

Потом повернулся и пошёл к кладбищу.

Оно было за околицей, за пустырём, заросшим бурьяном по пояс, мокрым, пахнущим гнилью. Кузьмич шёл между могилами, обходя лужи. Кресты стояли криво, покосившись, как старики на ветру. Некоторые упали и лежали в грязи, сгнившие, обросшие мхом. Он шёл и узнавал их — вот крест деда, вот крест прадеда, вот крест тётки Агафьи, которая умерла от чахотки, когда ему было десять. Он помнил, как она кашляла, как кровь выступала на губах.

Он нашёл могилу отца почти сразу. Крест подгнил и лёг набок, указывая чёрным пальцем прямо в живот Кузьмичу. Он наклонился, поправил — не поднял, просто поставил ровнее, насколько возможно, насколько позволяла гниющая древесина.

— Вот и свиделись, тятя, — сказал он, присаживаясь на корточки. Колени хрустнули, боль пронзила поясницу, но он не обратил внимания. — Я уезжаю. Верочку спасаю. Внучка она мне, хоть и двоюродная. Одна осталась.

Он помолчал. Сгрёб мёрзлую листву, сняв рукавицу, — мокрую, прилипавшую к коже, пахнущую гнилью и прелью. Под ней была земля — чёрная, холодная.

— Рябинка жива, — сказал он. — Старая, худая, но жива. Помнишь, как ты её принял? Как она брыкалась? Ты тогда сказал: «Будет толк». Я ей кличку дал потом — Рябинка. За пятна.

Он погладил мёрзлый бугор рукавицей.

— Она жеребцов мне принесла добрых. Крышу починил, хомут новый сделал. Без неё бы не выжили. Ты мне её оставил. Спасибо тебе, тятя.

Перекрестился широко, по-старообрядчески — два пальца, от лба до груди, до правого плеча, до левого. Отец учил его так креститься. Мать крестилась по-новому, но отец стоял на своём: «Мы так крестились, и деды наши так крестились. Нечего менять».

Он развязал платок — тот самый, который взял из дома. Насыпал в него горсть земли с отцовской могилы. Земля была холодной, мокрой, пахла прелью и корнями. Завязал узлом, приложил к груди, рядом с крестом.

— Ты теперь со мной, тятя. Всегда.

Встал, пошёл к могиле матери. Остановился в двух шагах. Посмотрел на крест, на выцветшую надпись, которую не мог разобрать. Он так и не прочитал её. Не захотел. Мать ушла быстро — сгорела в горячке за три дня. Он тогда был в отъезде, приехал — успел на похороны. Всё случилось быстро, и вот её уже нет. Похоронили. Стояли вдвоём. Отец сказал: «Помяни». А он не смог. Стоял у могилы и молчал.

— Мама, — сказал он шёпотом. — Я так и не научился прощаться.

Постоял ещё, надел шапку. Повернулся, пошёл к телеге.

Рябинка стояла у плетня. Ждала. Опустив голову, смотрела на него.

Кузьмич подошёл, погладил её по морде. Она ткнулась носом ему в плечо, как делала всегда, когда он был расстроен, — ища тепло, ища утешение. Он обнял её за шею, прижался щекой к её мокрой шерсти.

— Ну что, батина радость? — сказал он. — Пошли Верочку искать.

Сел на телегу. Взял вожжи.

— Трогай.

Рябинка тронулась. И когда она делала первые шаги, он знал — она прощается с этим местом, с этой землёй, с этим домом, которого больше нет. Но не останавливалась. И он не оглядывался.

Глава 4. Лоза

Дорога шла вдоль реки.

Слева — поле, пустое, чёрное, уходящее до самого горизонта, где небо сливалось с землёй в серую муть. Справа — обрыв, за ним пойма, заросшая лозой, где ветки сплетались в плотную стену, сквозь которую не пробиться. Лоза стояла серая, голая, с редкими сухими листьями, которые шелестели на ветру, как шёпот.

Кузьмич сидел на телеге, держал вожжи, смотрел вперёд. Рябинка шла ровно, но он чувствовал, как она настораживается — уши поворачиваются, ноздри подрагивают, втягивая воздух. Она чуяла запахи раньше, чем он видел глазами.

Она остановилась сама. Уши повернула вперёд, как у волка, услышавшего добычу. Кузьмич замер. Прислушался.

Голоса. Французские. Гортанные, быстрые, с хрипотцой — как будто говорили не ртом, а глоткой. Четверо. Шли по дороге, что тянулась вдоль реки, не торопясь, как люди, знающие,

что им нечего бояться. Ружья на плечах, мундиры синие, потрёпанные, шинели нараспашку. Один курил, дым тянулся за ним, как хвост.

Кузьмич дёрнул повод вправо. Рябинка шагнула в лозу. Ветки хлестнули по лицу, он пригнулся, сполз с телеги, присел на корточки рядом с её головой. Лоза сомкнулась над ними плотной стеной, серой и мокрой. Рябинка стояла неподвижно, даже дышала тише — только ноздри подрагивали, и пар выходил тонкими струйками.

Кузьмич сидел, держал повод, смотрел на Рябинку. Белая с рыжими пятнами. В серой лозе на серой земле среди берёз. Почти не видно. Он слышал, как французы приближаются. Говорили громко, смеялись — голоса были пьяными, развязными. Не смотрели в лес. Смотрели на дорогу, на поле, вперёд, туда, куда шли.

Он слышал, как они проходят мимо. Запах табака, кислый и едкий, смешанный с запахом немытого тела и дешёвого вина. Хруст сапог по мёрзлой грязи. Смех — один из них сказал что-то, и все заржали, громко, как жеребцы.

Они не остановились. Не посмотрели в кусты. Прошли мимо, скрылись за поворотом, и голоса их затихали, удалялись, таяли в сером воздухе.

Кузьмич не двинулся. Посидел ещё, прислушиваясь. Слышал, как ветер шевелит ветки, как Рябинка дышит — ровно, спокойно. Потом встал, вывел её на дорогу.

Она стояла, дрожала мелко-мелко — не от страха, от холода. Он провёл рукой по её шее, успокаивая.

— Молодец, Рябинушка. Молодец.

Сел на телегу. Взял вожжи. Рябинка пошла дальше.

Дорога была пустой, как и прежде. Только следы французов на грязи — глубокие, сбитые, уходящие вперёд. Кузьмич смотрел на них и думал о том, что война делает с людьми. Эти четверо были молоды. Он видел их лица — усталые, голодные, но ещё живые. Они смеялись. Они ещё могли смеяться.

Он не мог.

Глава 5. Поломка

Колесо слетело со ступицы на полпути.

Кузьмич услышал звук раньше, чем понял, что случилось, — глухой удар, скрежет, и телега накренилась вправо. Он натянул вожжи, Рябинка остановилась, повернула голову, будто спрашивала: «Что случилось?» Она всегда так делала, когда он останавливал её в незнакомом месте.

Слез. Посмотрел на колесо. Оно лежало на земле в грязи, вывалившись из ступицы. Ступица была сухой, растрескавшейся — видимо, давно не мазали дёгтем, и колесо просто соскочило с оси.

— Чёрт, — сказал он тихо, но не зло. Устало.

Рябинка стояла, опустив голову. Ждала. Никогда не торопила, никогда не роптала. Сорок лет она ждала, пока он возится с упряжью, с сеном, с колёсами. Она знала его привычки лучше, чем он сам.

Он вспомнил, как в первый год после смерти отца она не ела три дня. Стояла у дома, опустив голову, и смотрела на дверь — ждала, что отец выйдет. Он пытался её кормить — отворачивалась. Тогда он сел рядом с ней на берёзовую чурку, положил голову ей на шею и сказал: «Тятя не вернётся. Теперь мы с тобой, батина радость. Только мы». Она вздохнула — долго, тяжело, как человек, который смирился с потерей, — и взяла хлеб из его рук. С тех пор она слушалась только его. Никого больше.

Кузьмич оглянулся. Лес стоял рядом — редкий, осиновый, с голыми ветвями, царапавшими небо. Он пошёл в лес, нашёл сухой крепкий сук толщиной с руку, обрубил его топором. Топор был с обломанной рукояткой, который не мог починить уже с весны, но лезвие было острым — отец учил точить. Теперь этот опыт передать было не кому.

Вернулся к телеге. Поднял колесо, надел на ступицу — оно село на место, но болталось. Он вырезал из сука клинья, забил их между ступицей и осью, чтобы колесо держалось крепче. Делал это не спеша, чувствуя, как пальцы помнят каждое движение. Руки работали сами — память тела, которой не мешала даже усталость.

Затянул всё потуже, проверил, покачал колесо. Держалось. Не надолго, но держалось.

— Ну что, — сказал он, затягивая последний узел зубами, — идём.

Рябинка пошла. Колесо скрипело, но держалось. Кузьмич шёл рядом, держась за оглоблю, чтобы чувствовать, как она дышит. Каждый шаг отдавался в пояснице, в коленях, в плечах. Но он не обращал внимания.

Дорога уходила вперёд, серая и пустая. Только колёса скрипели, да Рябинка дышала тяжело, да ветер нёс запах гари с запада.

Глава 6. Одиночество

К ночи он добрался до овина. Стоял на отшибе, крыша провалилась, оставив только чёрные рёбра стропил, торчащие в небо. Но стены держались — кривые, осиновые, с щелями, в которые лез ветер и завывал тонко, как больной щенок. Лучше, чем ничего.

Кузьмич остановил Рябинку, слез. Распряг её — она опустила голову, выдохнула длинно, с хрипом, встала у стены, подставив бок ветру, как делала это всегда. Но Кузьмич заметил, как

дрогнули её колени, когда она переступала. Раньше она не дрожала. Он накрыл её рогожей и постоял рядом, слушая её дыхание — прерывистое, с хрипом, которого когда-то не было.

Внутри овина было пусто. Только куча старой, прелой соломы в углу, пахнувшей сыростью и мышами, да несколько поленьев у входа, мокрых от дождя.

Кузьмич сел на корточки, начал разжигать огонь. Кремень был, кресало было — отцовское, старое, с потёртой рукояткой. Отец когда-то носил его с собой, рассказывал, как высекал огонь в походах. Теперь оно грело руки Кузьмича. Трут был — сухой мох, собранный ещё утром в берёзовой роще.

Но дрова были сырыми. Он попытался разжечь щепку — задымила, не загорелась. Другую. Стружку от ножа — тлела, гасла, как только он убирал руку.

— Чёрт, — сказал он тихо.

Попытался ещё раз — налёг на кресало, высек искру, поднёс к труту. Мох занялся синим тонким дымком, но дрова не брали. Слишком сырые, слишком холодные.

Кузьмич сидел на корточках, держал в ладонях маленький синий огонёк и не знал, что делать дальше. Он смотрел на него — такой маленький, такой слабый, но живой. Единственное живое в этом чёрном, холодном мире.

Кузьмич вышел из овина, обошёл кругом, ища сухие ветки. Их было мало — осень сырая, и всё, что лежало на земле, впитало воду и превратилось в труху. Но он нашёл одну, под самой обвалившейся крышей, на высоте человеческого роста — сухую берёзовую ветку, мёртвую, белую, без коры. Сломал пополам, отнёс в овин.

Огонь занялся. Маленький, жёлтый, трепетный — как сердце испуганной птицы. Но горел.

— Горит, — сказал он вслух. Голос был усталым, но в нём пробивалось что-то тёплое, почти радостное.

Он сидел у огня, смотрел на пламя. Впервые за долгое время он грелся у огня. Рядом не было чужих голосов — только ветер в щелях да Рябинка за стеной, изредка вздыхавшая с надрывом.

В углу овина лежала солома вперемешку с сеном. Кузьмич выбрал немного сена, не свежего, с запахом прели, но что-то. Лучше, чем ничего. Он вынес сено Рябинки.

— Пожуй, бедолага. Хоть немного.

Кузьмич достал сухарь — твёрдый, как камень, — положил на камень у огня, чтобы размягчился. Потом вынул платок с землёй. Развязал, посмотрел на чёрную, сухую землю, пахнущую пеплом. Завязал обратно, приложил к груди.

— Верочка, — сказал он в темноту. — Жива ли ты?

Никто не ответил. Только ветер завыл в щелях, да Рябинка вздохнула за стеной — тяжело, с хрипом.

Кузьмич сидел до самого утра. Не спал.

Глава 7. Туман

На вторые сутки дорога исчезла.

Кузьмич не заметил, когда это случилось. Сначала просто стало трудно видеть — молочный воздух, свинцовое небо, пепельная земля, всё смешалось в одно белое ничто. Потом он понял, что не видит дальше двадцати шагов. Дорога растворилась в молоке, и даже следов колёс не было видно — грязь съедала их, как вода съедает след на песке.

Он остановил Рябинку. Слез. Оглянулся. Сзади — туман. Спереди — туман. Слева — белая стена. Справа — белая стена. Он стоял, глядя в белую пустоту, и не знал, куда идти. Ветер стих, птицы замолчали — казалось, мир умер, и остались только они двое: старик и лошадь в белом ничто.

Рябинка стояла рядом. Смотрела на него. Потом повернула голову, посмотрела в сторону и сделала шаг.

Кузьмич взял её за повод. Пошёл рядом.

Она вела его почти час. Шаг за шагом, через белое ничто. Он не видел, куда идёт, но чувствовал — она знает. Она всегда знала. Чувствовала землю копытами, ветер ноздрями, путь — сердцем.

Туман стал реже. Показались деревья — сначала тени, потом стволы, чёрные и мокрые. Потом дорога — серая полоса, уходящая вперёд.

Кузьмич остановился. Посмотрел на Рябинку. Она стояла, опустив голову, пар из ноздрей оседал на шерсти белой коркой.

У старой берёзы Кузьмич слез с телеги, подошёл к Рябинке. Он положил ладонь на её морду, прикрыл глаза и просто слушал, как она дышит. Дыхание было ровным, глубоким, с лёгким хрипом, и этот звук он знал лучше всего на свете — громче криков французов, громче ветра в трубе, громче собственного голоса.

Он вдруг вспомнил, как первый раз запряг её — тогда она стояла, уши прижала к голове, дрожала, как осиновый лист, думала, что её убьют. Он взял повод, она вздохнула — и пошла. С тех пор никогда не брыкалась, никогда не роптала. Ни разу за десятки лет. Кузьмич прижался щекой к её шее, чувствуя, как под кожей бьётся жилка, тёплая и живая, как огонь в печи. «Ты у меня одна осталась, батина радость, — сказал он шёпотом. — Ты и Верочка. И больше никого». Рябинка ткнулась носом в его плечо, как будто говорила: «Я знаю. Я здесь». Постоял так, надышался её теплом. Потом вернулся на телегу, взял вожжи. «Ну, идём».

— Без тебя я не дойду, — сказал он.

Она моргнула.

— Трогай.

Глава 8. Следы

Через час он увидел следы. Колёса. Свежие — ещё не размытые дождём, глубокие, въевшиеся в грязь. Они шли с востока на запад, туда, откуда он ехал, и он понял — кто-то прошёл здесь недавно. Может, сегодня. Может, вчера.

Кузьмич натянул вожжи. Рябинка остановилась.

Слез, подошёл к следам. Они уходили вглубь, в сторону леса, потом обрывались — как будто телега остановилась и больше не двигалась. Он пошёл по следам, пригибаясь, держа руку на штыке, который лежал за поясом. Рябинка пошла за ним, шаг в шаг, как собака.

Следы привели к пустому овину. Телега стояла у входа — разбитая, с обломанным колесом, с перекошенной осью, которая сломалась пополам. Колесо лежало рядом, как оторванная рука. Рядом лежало тело. Мужчина, замёрзший, скрюченный, лицо вниз, руки поджаты к животу — так спят дети, когда им холодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.